

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гончаров, А.И. Энтелехия юродства в «Слове» Даниила Заточника / А.И. Гончаров // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 92-102.

Демченков, С.А. Библейская пророческая традиция в «Житии» пророка Аввакума: К проблеме жанра: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / С.А. Демченков. – Омск, 2003. – 193 с.

Житие пророка Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под ред. Н.К. Гудзия. Вступ. статья В.Е. Гусева. – М.: Гослитиздат, 1960. – С. 53–122.

Житие Аввакума и другие его сочинения. – М.: Советская Россия, 1991. – 368 с.

Климова, М.Н. Из агиографических комментариев к Житию пророка Аввакума («чудо в Андроньевом монастыре» и Житие пророка Аввакума) / М.Н. Климова // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 36-41.

Лихачев, Д.С., Панченко, А.М. «Смеховой мир» Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко. – Л.: Наука, 1976. – 204 с. – (Сер. «Из истории мировой культуры»).

Лихачев, Д.С., при участии **Алексеева А.А.** и **Боброва А.Г.** Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.) / Д.С. Лихачев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 759 с. – (Славянская библиотека. Bibliotheca slavica).

Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М.: Художественная литература, 1980. – 704 с.

Ранчин, А.М. «Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях» / А.М. Ранчин. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 558 с.

Сперанский, М.Н. История древней русской литературы / М.Н. Сперанский. – СПб.: Лань, 2002. – 4-е изд. – 542 с. (Мир культуры, истории и философии).

Фрайданк, Д. Литературный прием синкрисиса в трех древних славянских текстах / Д. Фрайданк // Исследования по древней и новой литературе. – Л., 1987. – С. 224-229. **Сорокин, А.С.** Тридцать три скандала Колчаку / А.С. Лоцилов / сост., прим. и предисл. И.Е. Лоцилова, А.Г. Раппопорта. – СПб.: Красный матрос, 2011. – 148 с.

Д.Б. Терешкина¹

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого*

**«ГДЕ, УКАЖИТЕ НАМ, ОТЕЧЕСТВА ОТЦЫ?»
(МИНЕЙНЫЙ КОД В СИСТЕМЕ ПЕРСОНАЖЕЙ
КОМЕДИИ А.С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»)**

Статья посвящена рассмотрению «минейного кода» системы персонажей комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Многослойный смысл комедии заключен, в частности, в сопоставлении характеристик образов комедии с житийными идеалами их небесных покровителей. Профанируя значение имени, в том числе родовых имен, персонажи комедии являют собой ниспровержение идеалов служения людям и отечеству, что является объектом сатиры автора.

Ключевые слова: имя, минейный код, отчество, отечество, конфликт отцов и детей.

D.B. Tereshkina

Novgorod State University

**“WHERE ARE THOSE FATHERS OF THE NATION?” (MENAION
CODE IN THE SYSTEM OF CHARACTERS IN ALEXANDER
GRIBOYEDOV’S COMEDY
“WOE FROM WIT”)**

The article analyses the Menaion code in the system of [personages](#) in A.S. Griboedov’s comedy “Woe from Wit”. The multy-level meaning of the comedy is, in particular, in the [juxtaposition](#) of the characteristics of its figures to hagiographic ideals of their divine patrons. Profaning the meaning of the name, including patrimonial names, the comedy characters represent the overthrow of the ideals of serving to one’s nation and fatherland, which is the object of the writer’s satire.

Key words: name, Menaion code, [patronymic](#) name, fatherland, the conflict of fathers and children

¹ Терешкина Дарья Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого

Когда говорят об именах в «Горе от ума», отмечают их обилие в комедии, а также наличие «говорящих имен», имея в виду, прежде всего, значимые фамилии персонажей [Грибоедов, 1988]. Представляется, что не менее значимыми являются в комедии имена. В фамилии автор выражает единственную черту персонажа, отличающую его от всех остальных и вместе с тем вписывающую его в систему однотипных героев. Имена же содержат скрытый смысл, гораздо более широкий, ибо он не выражен прямо. Примечателен известный факт, что с фамилиями А.С. Грибоедов определился сразу и более не менял их; вариантов же имен в разных списках немало.

Если обозначить все имена, используемые в комедии, получим примечательное семантическое поле. Это не только типичные для России и распространенные имена начала XIX в., но и яркие характеристики персонажей, несмотря на кажущуюся десемантизацию имен вследствие их типичности, привычности.

Наибольшей степенью типизации обладают имена внесценических персонажей, упоминаемых в тексте. К таковым относятся Пульхерия Андреевна, которую Чацкий предполагает в пару французу Гильоме («Он не женат еще? – На ком? – Хоть на какой-нибудь княгине, / Пульхерии Андревне, например» [Грибоедов, 1995, I, с. 29]); Прасковья Федоровна, к которой Фамусов зван на форели, Настасья Николаевна, о которой Фамусов спрашивается у Скалозуба, знает ли он ее; Ирина Власьевна, Лукерья Алексевна, Татьяна Юрьевна, о которых Фамусов с восхищением говорит «судьи всему, над ними нет судей»; наконец, знаменитая княгиня Марья Алексевна, мнение которой приравнивается взбешенным Фамусовым чуть ли не к высшему суду, после которого – либо жизнь, либо смерть. При всей значимости, которая придается этим персонажам, сами имена и формы этих имен с головой выдают их невысокое происхождение: большинство их принадлежит не дворянскому сословию, а, согласно статистике нареченных, родившихся в конце XVIII в. девочек, приводимой В.А. Никоновым [Никонов, 1974], в лучшем случае – купеческому. То же относится к мужским именам лишь обозначаемых персонажей – Евдоким Воркулов, Боринька, Ипполит Маркелыч, Лахматьев Алексей, происхождение которого выдает простонародная (по прозвищу) этимология фамилии. Важно здесь именно скопление подобных имен, обозначающих соответствующий круг их носителей.

Сложнее, если персонажи более или менее развернуты. Имеющий каждый в той или иной мере свой жизненный (пусть и

эпизодный) сюжет, персонаж, помимо прочих семантических связей, включается (посредством своего имени) в сюжет жития своего небесного покровителя. Имея в виду особую семантическую имен литературных персонажей, этот своего рода «житийный код» оказывается не менее важным, чем степень употребительности того или иного имени в реальной жизни соответствующей эпохи. Система персонажей в целом составляет структуру, в которой важны и горизонтальные (среди самих героев), и вертикальные (в отношении сонма святых покровителей) связи, что обнаруживает «минейный код», в котором значимость обретают не только личностные характеристики действующих лиц, но и их взаимодействие и взаимообусловленность. Соответствие либо несоответствие персонажа своему тезоименитому покровителю определяет степень (условно говоря) «положительности» персонажа, близости его автору. К Чацкому, носящему имя автора, мы еще вернемся. Все другие лица в комедии удивительным образом совпадают в ключевых характеристиках со своими одноименными святыми с точностью до наоборот.

Так, имя Максим – «величайший» – освящено подвигами мучеников. Максим Петрович в «Горе от ума» ниспровергает значение своего «высокого» имени в буквальном смысле: падает на куртаге, сначала оступившись, а потом, унижаясь и ища одобрение вельможной особы и мирской славы в высоком чине («Кто перед всеми знал почет? В чины выводит кто и пенсии дает? – Максим Петрович!»).

Или женское имя «Наталья», имеющее в комедии особое значение. Как известно, в Музейном автографе в сцене встречи гостей Фамусова возгласы приветствия княжон и графинь-внучек «Княжна Зизи! Княжна Наталья!» в окончательном варианте поменялось на «Княжна Зизи! Мими!». Овеянное к тому времени в литературе положительной семантикой имя «Наталья» и связанное, по мнению В.А. Кошелева, с «Наташиным текстом», идущим от катенинской Наташи [Кошелев, 2012], оказалось, судя по всему, неуместным в ироничной авторской обрисовке молодых представительниц фамусовского окружения. Имя «Наталья» носит в комедии другой персонаж – Наталья Дмитриевна из четы Горичей. Именно она является полной противоположностью своей небесной покровительницы. Читающееся в «Четких Минях» «Страдание святых мучеников Адриана и Наталии» на первый план выдвигает имя мужа, светлую память которого берегла и продолжила после его мученической смерти его супруга Наталия. Наталья Дмитриевна в «Горе от ума» при общей нейтральности непривлекательна именно

абсолютным главенством над мужем, превратившим вполне добропорядочного Платона Михайловича в мужа-мальчика, мужа-слугу, именуемого вовсе искаженным и уничижительным «Попощь». Имя Платон, связанное со святым VIII в. Платоном Студийским, а также святым IV в. Платоном Анкирским (оба они были узниками и исповедниками), дискредитируется в образе Платона Михайловича отрицанием именно этих двух типов подвига. Исповедник – это праведник, не боящийся открыто выступать в защиту святынь; Платон Михайлович не рискует на открытое слово даже против своей жены. Платоны стали узниками за проповедь христианства – Платон Михайлович становится узником собственной супруги, овладевшей его душой и смилившей остатки его духа. Такое положение мужа, мужчины, к которому в лице Молчалина стремится и Софья, противоречит всем канонам, вменявшимся Священным Писанием и Священным Преданием, которое в России того времени чтили, в контексте общественных связей, только на уровне святцев да именин.

Наличие отчества, как правило, не является обязательной составляющей в структуре образа персонажа литературного произведения, не всегда оно актуализировано в тексте. В «Горе от ума» почти все персонажи с отчествами; лишены отчеств лишь некоторые действующие лица. Нет имени по отцу у Лизы – не только потому, что она не родовита, но и потому, что, согласно типизации героини-субретки, которыми была полна европейская драматургия того времени, жизнь ее растворена в жизни госпожи. Женские имена на французский манер (Мими, Зизи, Катись), не предполагая отчеств вследствие молодости героинь, становятся иллюстрацией ухода от родового имени, что ведет к более общим выводам: «Здесь нет Отечества и отчеств тоже нет». Имен по отцам нет у мужских персонажей – Левона, Боряньки, Воркулова Евдокима, Лахмотьева Алексея – членов Секретнейшего Союза, которым восхищается Репетилов, не имеющих, к слову, не только отчества, но и имени.

Совпадают отчества двух персонажей – туза-камергера Кузьмы Петровича и дяди Фамусова, Максима Петровича, заслужившего высочайшее внимание исключительно шутовством. Учитывая это сходство, мы можем видеть в них если не братьев по отцу (отчеству), то уж точно – по духу, в какой-то мере отождествляя их.

Примечательно наличие в «Горе от ума» трех персонажей с отчествами, повторяющими имя: Сергей Сергееч (Скалозуб), Антон Антоныч (Загорецкий), Фома Фомич. Это имена персонажей, далеких

от авторской симпатии. По сути, «дублиаж» имени, нивелирующий личные отличительные черты, является свидетельством отсутствия отчества, «растворяющегося» в имени. Такое сочетание имени и отчества становится сигналом авторской мысли: «копия отца», отсутствие индивидуальной судьбы. Это особенно актуально в контексте значений имен: Фома – «близнец», Сергей – «высокий» («трех сажень удалец», говорит о Скалозубе Хлестова), Антон – «вступающий в бой», что в усилении фамилией «Загорецкий» лишь завершает обрисовку образа.

Родственные связи в комедии имеют особое значение.

У Софьи нет матери, мадам Розье была приставлена к ней в качестве наставницы. Но, по словам Фамусова, «не надобно иного образца, / Когда в глазах пример отца» [Грибоедов, 1995, I, с. 19]: на самом деле, отеческие чувства Фамусова вполне искренни, и только в его устах мы слышим ласкательно-уменьшительные формы имени дочери – Софьюшка, Сонюшка. Актуализация отчества Софьи в тексте комедии важна именно потому, что именем с отчеством героиню именуют все персонажи, кроме автора и тех, кто связан с Софьей родственными узами. «Софья Павловна» она для Чацкого в разговорах с Фамусовым (в других случаях Чацкий избегает называть Софью по имени, не успев привыкнуть к новым отношениям между ними), для самого Фамусова в минуты наставлений дочери. София, имя с абсолютно положительной семантикой («премудрость») и уже ставшее литературной константой, не только умаляется соседством с отчеством (Павел – «малый»), но и вписывает героиню в контекст ее окружения, всякий раз напоминая о ее отце, от которого она, как оказалось, социально неотделима.

Главный герой, которому автор дал свое имя, тоже именуется именем с отчеством. Имя, несомненно, концентрированно семантически: Александр – «защитник», Андрей – «мужественный». Значит ли это, что Чацкий так же, как и Софья, вписан в круг, в котором он вырос?

Об отце Чацкого известно только то, что он (как и мать) умер, был другом Фамусова, в доме которого прошли детство и отрочество героя вплоть до его отъезда за границу. Чацкий – сирота, и это как будто избавляет его от сыновнего пиетета или хотя бы послушания. Это позволило некоторым исследователям высказать следующую мысль, на первый взгляд, вполне верную, о редуцировании в русской литературе первой половины XIX в. отеческого начала: «Читатель ничего не знает об отцах Евгения Онегина, Печорина. Сами конфликты романов отрицают возможность присутствия родительского начала. <...> Максимально одинокий персонаж

представляется псевдосиротой, своеобразным вариантом просветительского найденыша. <...> Литература начала XIX в., постигая школу романтического индивидуализма, сознательно сопротивляется патриархальной целостности семьи, тем самым упрощая задачу автора в изображении героя-идеолога, независимо от локальности семейно-бытового конфликта» [Ястребов, Мурзак]. Иными словами, имея Чацкий живого отца, не выступал бы он так горячо, открыто и непримиримо в фамусовском обществе.

Думаем, это не совсем так, поскольку, на наш взгляд, именно проблема отцовства является ключевой для всей драмы. Чацкий – не сирота, он возвращается в дом Фамусова как выросший в нем, а претензия Хлестовой на участие в воспитании героя («Я за уши его дирала, / Только мало» [Грибоедов, 1995, I, с. 82]) лишь подтверждает это. Язвительные шутки Чацкого в адрес старых общих знакомых в разговоре с Софьей объяснимы только тем, что он воскрешает в воспоминаниях их детские проказы (например, в рассказе о разоблачении ими «живого соловья» в доме московского туза, слова Чацкого «играем и шумим по стульям и столам, / А тут ваш батюшка с мадамой» [Грибоедов, 1995, I, с. 27] и т. д.). Чацкий возвращается как блудный сын, с той только разницей, что в евангельской притче сын, растративший свое доброе имя в грехе, принят в доме отца с радостью. Чацкий, три года странствовавший в поиске образования, принят враждебно – именно за это. Стремление стать умнее и свободнее воспринимается отцами как претензия на главенство, как покушение на веками сложившиеся устои, предполагающие безоговорочное почитание старших. Безотцовщина Чацкого – не причина его поведения, и лишь исходная ситуация. При этом не освобождает себя от почтительного отношения к почившим близким: в щекотливой ситуации рассказа о Максиме Петровиче Чацкий говорит: «Я не об дялюшке о вашем говорю, / Его не возмутим мы праха» [Грибоедов, 1995, I, с. 38]. Единственное требование Чацкого к «веку минувшему» – вспомнить о единоначалии слов «отчество» и «отчество». Именно поэтому в его монологе слова «Где, укажите нам, отчества отцы?» не подменяют понятий, переводя проблему из родовых отношений в социальную. В «Горе от ума» нет этого разделения, поскольку его нет для Чацкого. Сирота он или нет – к «отцам Отечества» он предъявляет самое высокое требование: быть образцом для сынов, воспитывая в последних прежде всего стремление к общему благу. Лишь в этом случае возможно не прикрытие отцами с тыльных сторон, а по имени и отчеству славное житие. Как известно, слово «отчество» (по

наблюдениям В.В. Виноградова) имело особенно острый общественно-политический и даже революционный смысл в поколении декабристов, в то время как слово «родина» было нейтральным. Это значение слова «отечество» развилось под влиянием французской революции, где «патриот» значило «революционер», и еще в 1797 году Павел I приказал изъять из языка слово «отечество» и заменить на слово «государство». В этом смысле можно сказать, что Чацкий понимает служение отечеству вполне в русле христианской традиции, где «любовь к родине является деятельным осуществлением по отношению к ней заповедей Божиих» [Мещеринов] и где иконографический тип, изображающий Бога Отца, Бога – Духа Святого и Бога – Сына, сидящего на коленях Отца, именуется «Отечество». Причем традиции не только христианской: в опубликованной в 4-м номере «Вестника Европы» за 1802 год статье Н.М. Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости» прямо говорилось: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения – и потому не все люди имеют его». Способность отца поступиться родственными отношениями во имя Отечества (т.е. земли отца) была совершенно не свойственна тузам московского общества, не понятна им. А потому вместо своих образцов, каждый из которых не выдерживает никакой критики (как в случае с Фамусовым и Софьей), даются или попускаются уродливые иностранные списки. Потому и отсутствие истинного служения подменяется идеями ложного отцовства, в котором животная (родственная) любовь полностью вытесняет духовную. Главный герой (а с ним А.С. Грибоедов, переживавший проблему отцовства как никто другой) отстаивает отца и отчество в их исконном значении, сопряженными с понятием «отечество». И если он не был услышан в доме отцов, вырастивших его, это не означает еще его поражения. Соглашаясь полностью со словами С.А. Фомичева, повторим: «Как будто слово не самодостаточно? Как будто слово должно быть обязательно заговором, а не откровением?...»².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

² Ссылаемся на высказывание С.А. Фомичева в докладе «Феномен А.С. Грибоедова и современность», зачитанном на Пленарном заседании Первых международных чтений в Алуште (26 мая 2012 г.).

Грибоедов, А.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. / А.С. Грибоедов / Под ред. С.А. Фомичева. – СПб: Нотабене, 1995. – 345 с.

Грибоедов, А.С. Сочинения / А.С. Грибоедов; Сост. С.А. Фомичев. – М.: Художественная литература, 1988. – 751с.

А.С. Грибоедов. «Горе от ума»: подробный комментарий. Учебный материал. Интерпретации / Сост. Е.А. Яковлева. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 316 с.

Кошелев, В.А. «День Бородина» и Четию Миней / В.А. Кошелев // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. Вып. 7. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. – С. 31 – 40.

Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М: Наука, 1974. – 278 с.

О. Петр (Мещеринов). Жизнь в церкви. Размышления о патриотизме / О. Петр (Мещеринов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kiev-orthodox.org/site/churchlife/1039>.

Ястребов, А.Л., Мурзак, И.И. «Ошибки отцов» и «поздний ум» детей: конфликт поколений в русской литературе/ А.Л. Ястребов, И.И. Мурзак [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rc-p.ru/sochineniya_po_literature_i_russkomu/referat_oshibki_otcov_i_pozdni_j_um_detej.html.